

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.009-019

Т. В. Новикова*

О влиянии концепции «правительственного» интереса Б. Карри на содержание принципа наиболее тесной связи

Аннотация. В современном международном частном праве принцип наиболее тесной связи предполагает не только выявление преобладающей территориальной связи, но и учет материально-правовых факторов (защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки и др.). В статье обосновывается тезис о том, что, будучи изначально построенным на территориальной локализации отношения, анализируемый принцип в ходе своего развития обогащался достижениями других доктринальных подходов к решению коллизионного вопроса, в числе которых существенное значение имеет концепция «правительственного», или «государственного», интереса американского правоведа Б. Карри. Достижение учения Б. Карри усматривается в гениальной попытке преодолеть механический подход коллизионных норм, расширить предметное поле оценки уже на этапе решения коллизионного вопроса и в конечном итоге оценить материально-правовой результат этого решения в рамках понимания права как инструмента защиты человека государством. Тем не менее материально-правовые факторы, вопреки одному из главных постулатов учения Б. Карри, вовсе не заменяют традиционные коллизионные нормы. В той мере, в какой механизм коллизионно-правового регулирования балансирует предсказуемость и гибкость решений, он дополняет поиск территориальной связи материально-правовыми соображениями. Проведенный анализ позволяет заключить, что содержание принципа наиболее тесной связи в международном частном праве Российской Федерации в русле общемировых тенденций развития подходов к решению коллизионного вопроса является комплексным, на что указывает разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о том, что «при определении наиболее тесной связи суд», во-первых, устанавливает «преобладающую территориальную связь» и, во-вторых, «может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и... его институтов». Как следствие, именно сочетание территориального и материально-правового компонентов в содержании принципа наиболее тесной связи обеспечивает надлежащий баланс предсказуемости и гибкости современного механизма коллизионно-правового регулирования.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи; содержание принципа наиболее тесной связи; территориальная локализация; материально-правовой фактор; защита слабой стороны; публичный интерес; коллизионно-правовое регулирование; коллизионное право.

Для цитирования: Новикова Т. В. О влиянии концепции «правительственного» интереса Б. Карри на содержание принципа наиболее тесной связи // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 12. — С. 9–19. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.009-019.

© Новикова Т. В., 2020

* Новикова Татьяна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия ул. Леваневского, д. 187/1, г. Краснодар, Россия, 350002
tnovikova@inbox.ru

The Impact of Brainerd Currie's Governmental Interest on the Principle of the Closest Connection

Tatyana V. Novikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law, North Caucasus Branch of the All-Russian State University of Justice
ul. Levanevskogo, d. 187/1, Krasnodar, Russia, 350002
tnovikova@inbox.ru

Abstract. In modern private international law, the principle of the closest connection involves not only the identification of the prevailing territorial connection, but also the consideration of substantive factors (protection of a weaker party, preferability to keep the transaction valid, etc.). The paper substantiates the thesis that, being initially based on the territorial localization of the relationship, the analyzed principle in the course of its development was enhanced with the achievements of others doctrinal approaches to the resolution of the conflict-of-law issue, including the concept of "governmental" or "state" interest developed by American legal scholar Brainerd Currie. A genius breakthrough suggested by B. Currie is examined as an attempt to overcome the mechanical approach of conflict-of-law rules, expand the subject matter field of assessment at the stage of resolving the conflict-of-law issue and, ultimately, evaluate the substantive law result of this decision within the framework of understanding law as a tool for the protection of an individual by the state. Nevertheless, substantive law factors, contrary to one of the main tenets of B. Currie's teaching, do not replace traditional conflict-of-laws rules at all. To the extent that the conflict-of-law regulation mechanism balances predictability and flexibility of decisions, it complements the search for territorial connection with substantive law considerations. The research makes it possible to conclude that the principle of the closest connection in private international law of the Russian Federation, in the context of global trends in the development of approaches to the resolution of conflict-of-law issues, is complex in nature, as indicated by the explanation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation that "when determining the closest connection, the court," first, establishes "the prevailing territorial connection" and, second, "may take into account the application of the law of which country will best realize the universally recognized principles of civil law and of its institutions." As a consequence, it is the combination of territorial and substantive law components in the content of the principle of the closest connection that provides an appropriate balance between predictability and flexibility of the modern mechanism of conflict-of-law regulation.

Keywords: principle of the closest connection; content of the principle of the closest connection; territorial localization; substantive law factor; protection of a weaker side; public interest; conflict-of-law regulation; conflict of laws.

Cite as: Novikova TV. O vliyaniy kontseptsii «pravitelstvennogo» interesa V. Karri na sodержanie printsipa naibolee tesnoy svyazi [The Impact of Brainerd Currie's Governmental Interest on the Principle of the Closest Connection]. *Lex russica*. 2020;73(12):9-19. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.009-019. (In Russ., abstract in Eng.).

Принцип наиболее тесной связи лежит в основе решения ключевой задачи международного частного права — отыскания надлежащего правопорядка для частноправового отношения с иностранным элементом. Будучи изначально построенным на территориальной локализации отношения¹, данный принцип в ходе последующего развития обогащался достижениями других доктринальных подходов к решению коллизионного вопроса. В русле общей тенденции

к материализации международного частного права² современное содержание принципа наиболее тесной связи, как разъясняет Верховный Суд РФ, предполагает, что суд не только устанавливает «преобладающую территориальную связь», но «также может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и... его институтов» (п. 6 постановления Пленума

¹ В том виде, в каком английская судебная практика сформировала объективный тест на основе формулы Bonython (см.: Bonython and Others v. Commonwealth of Australia, the Privy Council of the United Kingdom, 1951 // A.C. 201).

² О тенденции к материализации коллизионного права и учете «материально-правовых нормообразующих факторов в ходе формирования коллизионных норм» см.: Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : М-Логос, 2017.

Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»³).

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать влияние концепции «правительственного», или «государственного», интереса Б. Карри, которого в американской юриспруденции именуют «отцом современной теории коллизионного права»⁴, на материально-правовое содержание принципа наиболее тесной связи, признаваемое в том числе в международном частном праве Российской Федерации.

С учетом цели исследования осветим реперные точки учения Б. Карри. Во-первых, «центральная проблема коллизионного права», по мнению правоведа, заключается в «определении подходящей нормы для решения, когда интересы двух или более государств [штатов] находятся в конфликте, — иными словами, в

определении того, какой из интересов должен уступить»⁵. Концепция «правительственного», или «государственного», интереса, по общему признанию правоведов, совершила революцию в американском коллизионном праве⁶. Тезис о значении интереса государства (штата) для решения коллизионного вопроса получает развитие в разделении коллизий на действительные, ложные и особые случаи, в которых интерес отсутствует⁷.

Действительная коллизия имеет место тогда, когда в основе конфликтующих норм лежат конфликтующие политики и каждое государство (штат) имеет интерес в применении своей политики в конкретном деле; ложная — когда только одно государство (штат) имеет интерес в применении своей политики⁸. В последнем случае необходимо, по мнению автора, применять право единственного заинтересованного государства (штата)⁹; в то время как использова-

³ Российская газета. 17.07.2019. № 154.

⁴ *Kramer L. More Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws // Cornell International Law Journal. 1991. Vol. 24. Iss. 2. P. 245.*

К. Рузвельт III во введении публикации в рубрике «Ежегодная лекция Брейнерда Карри» указывает, что «Карри является чрезвычайно важной фигурой в сфере» коллизионного права» (*Roosevelt K. III. Brainerd Currie's Contribution to Choice of Law: Looking Back, Looking Forward // Mercer Law Review. 2014. Vol. 65. P. 501*). Г. Симсон во введении публикации в той же рубрике утверждает: «Не будет преувеличением сказать, что Карри был наиболее влиятельным ученым-коллизинистом прошлого века» (*Simson G. J. Choice of Law After the Currie Revolution: What Role for the Needs of the Interstate and International Systems? // Mercer Law Review. 2012. Vol. 63. P. 716*).

⁵ *Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws // Duke Law Journal. 1959. Vol. 1959. Iss. 2. P. 173.*

⁶ См., например: *Brilmayer L., Anglin R. Choice of Law Theory and the Metaphysics of the Stand-Alone Trigger // Iowa Law Review. 2010. Vol. 95. P. 1152*; *Sedler R. A. The Governmental Interest Approach to Choice of Law: An Analysis and a Reformulation // UCLA Law Review. 1977. Vol. 25. P. 181.*

⁷ Несмотря на некоторую критику, С. Симеонидес признает, что «эта трехчленная категоризация коллизий, за которую Карри следует отдать должное, является аналитически полезной» (*Symeonides S. C. The Choice of Law Revolution Fifty Years After Currie: An End and A Beginning // University of Illinois Law Review. 2015. Vol. 2015. Iss. 5. P. 1862*). Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые авторы усматривают в учении Б. Карри четыре вида коллизий, выделяя наряду с действительными и ложными, а также особыми случаями, в которых интерес отсутствует, «кажущиеся» коллизии, в которых вывод о возможных интересах задействованных государств (штатов) является результатом предварительной оценки и требует переоценки на предмет того, может ли более умеренное и сдержанное толкование интересов одного из государств (штатов) помочь избежать коллизии. При положительном решении суд будет иметь дело с ложной коллизией, а при отрицательном — с действительной (см.: *Sedler R. A. Op. cit. Pp. 187–188*). Поскольку «кажущаяся» коллизия составляет лишь предварительную квалификацию, которая в целях решения коллизионного вопроса в обязательном порядке должна быть определена либо как действительная, либо как ложная, мы согласимся с учеными, усматривающими в учении Б. Карри только три вида коллизий.

⁸ См.: *Currie B. Selected Essays on the Conflict of Laws. Durham : Duke University Press, 1963. Pp. 183–184.*

⁹ В частности, Б. Карри пишет: «Если суд установит, что государство суда не имеет интереса в применении своей политики, но иностранное государство имеет, ему следует применить иностранное право» (*Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws. P. 178*).

ние жестких коллизионных привязок может повлечь необоснованное применение права незаинтересованного в этом государства (штата)¹⁰.

Ярким примером особого случая, в котором интерес отсутствует, выступает такой, в котором право государства (штата) истца благоприятно для ответчика, а право государства (штата) ответчика — для истца; как следствие, ни одно из государств (штатов) не заинтересовано в предоставлении благоприятного режима лицу из другого государства (штата)¹¹.

Во-вторых, необходимо признать, что учение Б. Карри в значительной степени склоняется к применению *lex fori*, так как и в случае действительной коллизии, и в особом случае, когда интерес отсутствует, автор считает именно го-

сударство (штат) форума имеющим наиболее сильный интерес в применении собственного права¹². Как следствие, однонаправленный характер¹³ учения Б. Карри подвергается серьезной критике со стороны многих специалистов в сфере международного частного права¹⁴. В частности, Л. А. Лунц высказывается весьма категорично: «Карри в принципе отрицает применение иностранного закона, ибо-де только путем применения собственного материального права суд реализует политику и интересы своего государства, выраженные в этом праве»¹⁵.

В-третьих, будучи неудовлетворенным механическим действием существующего коллизионного права¹⁶, Б. Карри выдвигает предельно

¹⁰ См.: *Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws*. P. 174.

В специальной литературе в качестве примера ложной коллизии указывается случай, в котором истец и ответчик по делу о деликтной ответственности проживают в государстве (штате), устанавливающем возмещение вреда, но вред был причинен в государстве (штате), не устанавливающем возмещение; в таких условиях государство (штат), в котором ущерб был причинен, рассматривается как не имеющее интереса в применении своих норм о возмещении (см.: *Ratner J. R. Using Currie's Interest Analysis to Resolve Conflicts Between State Regulation and the Sherman Act* // *William and Mary Law Review*. 1989. Vol. 30. Iss. 4. P. 730). Более того, подчеркивается, что именно в данном случае закон места причинения вреда, который устанавливался § 377 Свода законов о конфликте законов США 1934 г. (см.: *Brilmayer L., Goldsmith J., O'Hara O'Connor E., Vázquez C. M. Conflict of Laws: Cases and Materials*. 8th ed. Wolters Kluwer : Aspen Casebook Series, 2020. P. 25) в качестве традиционной привязки, «дает очевидно ошибочный результат, так как требует применения права государства [штата], которое не имеет интереса в применении своего права, в ущерб интересам государства [штата], которое имеет» (*Sedler R. A. Op. cit.* P. 186).

¹¹ См.: *Weintraub R. J. Commentary on the Conflict of Laws*. 2nd ed. Mineola : The Foundation Press, Inc., 1980. P. 318.

¹² Ученый прямо заявляет: «Обыкновенно даже в делах, осложненных иностранным элементом, от суда следует ожидать по общему правилу применения для вынесения решения норм, имеющихся в праве страны суда» (*Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws*. P. 178).

¹³ В связи с этим А. В. Асосков считает Б. Карри основоположником «одной из наиболее влиятельных вариаций однонаправленного подхода» (курсив наш. — *Т. Н.*) (*Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств* : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 30).

¹⁴ См., например: *Монастырский Ю. Э. Господствующие доктрины коллизионного права в США* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 73–74.

¹⁵ *Лунц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть*. М. : Юрид. лит., 1973. С. 167.

¹⁶ Так, Б. Карри пишет, что если всё, что требуется от коллизионной нормы, это простое и определенное установление применимого права (так, чтобы сделки можно было планировать, а судебные тяжбы вести с некоторой уверенностью в исходе), то практически идеальной для этих целей будет коллизионная норма, отсылающая к праву страны, идущей первой по алфавиту. Не без иронии автор предлагает трудности судов стран, идущих в конце алфавита, связанные с частой необходимостью применять иностранное право и устанавливать его содержание, минимизировать правилом обратного алфавитного порядка для сделок, совершенных в нечетные года (*Currie B. The Verdict of Quiescent Years: Mr. Hill and the Conflict of Laws* // *The University of Chicago Law Review*. 1961. Vol. 28. P. 279). Заявляя о неудовлетворительности результата использования коллизионных норм, зависящего от случайных обстоятельств, Б. Карри также пишет, что в этой ситуации весьма соблазнительно предложить «подбросить монету, поскольку эта процедура будет давать те же результаты более экономно» (*Currie B. Married Women's Contracts: A Study in Conflict-of-Laws Method* // *The University of Chicago Law Review*. 1958. Vol. 25. Iss. 2. P. 262).

радикальный тезис о том, что вообще «было бы лучше без коллизионных норм»¹⁷, так как «невозможно решить поставленную задачу имеющимися средствами»¹⁸.

Как следствие, учение Б. Карри, наряду с неоспоримым влиянием на последующую траекторию развития международного частного права, встречало весьма ожесточенную критику. Так, его анализ интересов государств (штатов) оценивался как «зачастую произвольный, категорический, ограниченный и... нереалистичный»¹⁹, его однонаправленный подход — как «столь же жесткий и неубедительный, как территориальные формулы Биля и Дайси»²⁰, а его анализ действительных коллизий — как «пренебрегающий важностью таких ценностей, как вежливость, взаимность и единообразие»²¹.

Вместе с тем невозможно отрицать гениальность стержневой идеи Б. Карри о том, что решение коллизионного вопроса «по сути, близко к толкованию»²². Правовед указывает: «Точно так же, как мы определяем... как закон применяется во времени и как он применяется к

пограничным внутренним ситуациям, так же мы можем определить, как его следует применить в делах с иностранным элементом, чтобы привести в исполнение цель закона»²³. Признавая безусловно радикальный характер учения Б. Карри в целом, важно отметить, что ряд ученых видит ключевое достижение концепции «правительственного», или «государственного», интереса именно в проницательной идее о том, что коллизионный вопрос не является фундаментально отличным от внутренних правовых вопросов и может быть разрешен в том числе посредством простого толкования закона²⁴.

Более того, как указывает Х. Кей, чтобы понять, в чем Б. Карри усматривает работу суда, нужно обратиться к его видению природы права, ибо Б. Карри рассматривает государство как объединение, ответственное за благополучие своих жителей²⁵. Подчеркивая важность связи с местом жительства сторон, их страховщиков и иждивенцев для дел по гражданско-правовым требованиям из причинения смерти, Б. Карри

¹⁷ Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws. P. 177.

¹⁸ Currie B. Married Women's Contracts: A Study in Conflict-of-Laws Method. P. 263.

Тот факт, что концепция «правительственного», или «государственного», интереса и вытекающий из нее подход к решению коллизионного вопроса были сформулированы Б. Карри именно в качестве радикальной замены всего комплекса коллизионных норм как такового, получает широкое отражение в специальной литературе (см.: Kegel G. Fundamental Approaches (Chapter 3) // Private International Law (Vol. III) of International Encyclopedia of Comparative Law / Ed. by K. Lipstein. Dordrecht; Boston; Lancaster : Martinus Nijhoff Publishers; Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1986. P. 30; Symeonides S. C. The American Choice-of-Law Revolution in the Courts: Today and Tomorrow // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 298. 2002. Leiden/Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2003. Pp. 38–39).

¹⁹ Dane P. Vested Rights, «Vestedness» and Choice of Law // The Yale Law Journal. 1987. Vol. 96. Iss. 6. P. 1203. См. также: Banu R. Nineteenth-Century Perspectives on Private International Law. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 150.

²⁰ Dane P. Op. cit. P. 1203.

См. более подробно: Juenger F. K. Conflict of Laws: A Critique of Interest Analysis // The American Journal of Comparative Law. 1984. Vol. 32. Iss. 1. Pp. 35–37; Brilmayer L. Interest Analysis and the Myth of Legislative Intent // Michigan Law Review. 1980. Vol. 78. P. 405.

²¹ Dane P. Op. cit. P. 1203.

См. более подробно: Mehren A. T. von. Recent Trends in Choice-Of-Law Methodology // Cornell Law Review. 1975. Vol. 60. Iss. 6. Pp. 927–968; Korn H. L. The Choice-of-Law Revolution: A Critique // Columbia Law Review. 1983. Vol. 83. Iss. 4. Pp. 965–969; Baxter W. F. Choice of Law and the Federal System // Stanford Law Review. 1963. Vol. 16. Iss. 1. Pp. 9–10.

²² Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws. P. 178.

²³ Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws. P. 178.

²⁴ См.: Roosevelt K. III. Op. cit. P. 509.

О единой природе трансграничных и внутренних дел как исходной точке учения Б. Карри см.: Kramer L. Interest Analysis and the Presumption of Forum Law // The University of Chicago Law Review. 1989. Vol. 56. Pp. 1301–1302.

²⁵ Kay H. H. A Defense of Currie's Governmental Interest Analysis // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 215. 1989-III. Dordrecht; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 1990. P. 54.

утверждает: «Такие человеческие [human — англ.] факты оцениваются традиционной системой коллизионного права как совершенно не относящиеся к делу. Тем не менее они высоко значимы для всякого обсуждения законной сферы действия правительственного интереса и они должны иметь значение для любой системы коллизионного права, которая не будет совершенно разведена с реальностью»²⁶.

Таким образом, достижение учения Б. Карри мы усматриваем вовсе не в радикальном однонаправленном подходе, а в гениальной попытке преодолеть механический подход коллизионных норм, расширить предметное поле оценки уже на этапе решения коллизионного вопроса и в конечном итоге оценить материально-правовой результат этого решения при понимании права как инструмента защиты человека государством.

Более того, крайне важно учитывать, что исследуемое учение стало мощной движущей силой трансформации коллизионного права на благодатном фоне множества других идей, ведущих в совокупности к материализации процедуры решения коллизионного вопроса. Ведь современниками Б. Карри (1912–1965) были такие правоведы, как Д. Каверс (1902–1988), автор теории предпочтений²⁷ (principles of preference — англ.) и Р. Лефлар (1901–1997), автор теории лучшего права²⁸ (better law — англ.). При этом, например, Д. Каверс, комментируя предложенный Б. Карри анализ правительственных интересов, признает: «Многие... в том числе я, находят анализ полезным для исследования проблем в области коллизионного права, даже несмотря на то, что мы можем быть не готовы принять все его выводы»²⁹.

Изложенное позволяет заключить, что учение Б. Карри получило признание в рамках общей тенденции к материализации механизма коллизионно-правового регулирования и, как следствие, не могло не отразиться на лежащем в его основе принципе наиболее тесной

связи. Однако в той мере, в какой коллизионное право балансирует предсказуемость и гибкость своих решений, оно не отвергло всецело (и представляется, не отвергнет до тех пор, пока будет существовать как таковое) идею территориальной локализации, однако существенно изменило и дополнило ее в свете значимости материально-правовых соображений уже на этапе решения коллизионного вопроса. Как следствие, принцип наиболее тесной связи, выступая выражением идеи отыскания наилучшего правопорядка, трансформировался сообразно трансформации всего механизма коллизионно-правового регулирования, дополнив слепой поиск территориальных связей учетом самых весомых материально-правовых факторов (в числе которых один из самых ярких — защита слабой стороны, благополучие которой, в терминологии Б. Карри, и есть предмет правительственного интереса³⁰).

Примечательно, что влияние концепции «правительственного», или «государственного», интереса обнаруживается даже в трудах современных отечественных правоведов, посвященных непосредственно принципу наиболее тесной связи. В частности, А. А. Шулаков утверждает: «Принцип наиболее тесной связи для законодателя является мерой публичных интересов, закрепляемых в материально-правовых и коллизионных нормах»³¹. Комментируя данное утверждение, сделаем два наиболее существенных замечания. Во-первых, поскольку принцип наиболее тесной связи служит идее отыскания наилучшего правопорядка при решении коллизионного вопроса, он реализуется исключительно в рамках механизма коллизионно-правового регулирования, а потому может закрепляться прямо или косвенно только в коллизионных нормах (но не в материально-правовых нормах, которые к отысканию правопорядка непосредственного отношения не имеют).

Во-вторых, безусловно, всякая норма, устанавливаемая законодателем (будь то колли-

²⁶ Currie B. Selected Essays on the Conflict of Laws. P. 85.

²⁷ См.: Griswold E. N. David F. Cavers // Law and Contemporary Problems. 1988. Vol. 51. Iss. 3. P. IV.

²⁸ См.: Symeonides S. C. American Private International Law. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2008. Pp. 102–103 ; Reynolds W. L., Richman W. M. Robert Lefflar, Judicial Process and Choice of Law // Arkansas Law Review. 1999. Vol. 52. Pp. 135–136.

²⁹ Cavers D. F. Contemporary Conflicts Law in American Perspective // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 131. 1970-III. Leyde : A. W. Sijthoff, 1971. P. 146.

³⁰ См.: Kay H. H. Op. cit. P. 54.

³¹ Положение на защиту № 2 диссертации кандидата юридических наук (Шулаков А. А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8).

зионная норма, построенная на идее территориальной локализации либо нацеленная на наилучшую защиту слабой стороны), выражает публичное видение правильного и должного по меньшей мере в силу публичного механизма ее формирования и поддержания обязательности. Однако в свете подлинных оснований учения Б. Карри мы полагаем, что публичный интерес в механизме коллизионно-правового регулирования не должен сводиться ни к силе «государственного интереса в применении норм своего права»³², ни даже к триаде «интересы государства, интересы общества и усредненные правомерные интересы частных лиц»³³. В этом отношении мы встаем на сторону Р. М. Ходыкина, который утверждает: «Фактически, когда американские юристы говорят о релевантных политиках или интересах государств (штатов), они имеют в виду *социальные цели местного законодательства*»³⁴ (курсив наш. — Т. Н.).

Таким образом, когда мы говорим о доктринах, обогативших ядро территориальной локализации принципа наиболее тесной связи, мы подразумеваем доктрины, обеспечивающие учет материально-правового результата выбора применимого права, в том числе через призму интересов государства, которые оно преследует как объединение, ответственное за

благополучие своих жителей³⁵. Однако следует подчеркнуть, что материально-правовые факторы, вопреки одному из главных постулатов учения Б. Карри, вовсе не заменяют традиционные коллизионные нормы. В той мере, в какой механизм коллизионно-правового регулирования балансирует предсказуемость и гибкость решений, он *дополняет* поиск преобладающей территориальной связи значимыми материально-правовыми соображениями, в том числе публичным интересом защиты отдельных категорий лиц.

Как следствие, попыткой преодолеть радикальный характер ряда теоретических разработок в сфере международного частного права стали комплексные доктрины, которые нацелены на аккумуляцию различных интересов и даже подходов к решению коллизионного вопроса (территориального и материально-правового). Так, А. В. Асосков небезосновательно указывает на эклектичный характер системы Р. Лефлара³⁶, поскольку правовед называет пять основных соображений, влияющих на выбор материального права: предсказуемость результатов, поддержание междуштатного и международного порядка, упрощение стоящей перед судом задачи, продвижение правительственных интересов форума и применение лучшей нормы права³⁷.

³² Буланов В. В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 34.

В свете проведенного исследования учения Б. Карри мы также не поддерживаем мнение В. В. Буланова о том, что теория анализа государственного интереса «затрагивает политику» (Буланов В. В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 34.).

³³ Примечательно, что указанную триаду А. А. Шулаков выдвигает в положении на защиту № 1 диссертации кандидата юридических наук в качестве содержания категории «публичные интересы» как единого нормообразующего фактора, который лежит «в основе генезиса материальных и коллизионных норм международного частного права» (Шулаков А. А. Указ. соч. С. 8). Следует признать, что «интересы государства, интересы общества и усредненные правомерные интересы частных лиц» вполне целесообразно рассматривать в генезисе права как такового, определяемого Е. Н. Трубецким как «совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях» (Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1917. С. 11). Вместе с тем представляется, что нормообразующие факторы такого рода лежат в основе права в целом (по меньшей мере в пределах его частных отраслей), а потому не должны рассматриваться именно как *особенная* черта норм международного частного права (в особенности коллизионных норм и лежащего в их основании принципа наиболее тесной связи).

³⁴ Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 206.

³⁵ Кау Н. Н. Op. cit. P. 54.

³⁶ См.: Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств. С. 141.

³⁷ Leflar R. A. Conflicts Law: More on Choice-Influencing Considerations // California Law Review. 1966. Vol. 54. Pp. 1586–1588.

Вместе с тем в целях настоящего исследования показательным является § 6 Второго свода законов о конфликте законов США 1971 г., который предписывает в отсутствие коллизионной нормы опираться при выборе права на такие факторы, как: потребности междуштатных и международных систем, релевантные политики форума, а также иных заинтересованных государств (штатов) и соответствующие интересы этих государств (штатов) в разрешении определенного вопроса; защита оправданных ожиданий; базовые политики, лежащие в основе отдельной отрасли права; определенность, предсказуемость и единообразие результата; а также простота в определении и применении избранного права³⁸. В оценке изложенного положения мы согласимся с мнением А. В. Асокова о том, что оно выступает комбинацией разных подходов к решению коллизионного вопроса³⁹, однако в отличие от А. В. Асокова мы рассматриваем это положение не как список нормообразующих факторов, а как открытый перечень составляющих стержневой идеи выбора лучшего правопорядка при решении коллизионного вопроса (американского прочтения принципа наиболее тесной связи в основании механизма коллизионно-правового регулирования). Не отрицая того, что данные факторы могут использоваться законодателем при конструировании коллизионных норм, ибо мы исходим из единства подхода к решению коллизионного вопроса как на законодательном (при конструировании коллизионных норм), так и на правоприменительном (при восполнении пробелов и, в установленных пределах, корректировке результата применения коллизионных норм) уровнях, обратим внимание на то, что непосредственно § 6 Второго свода законов 1971 г. предусматривает обращение к приведенным факторам в отсутствие коллизионной нормы, т.е. для восполнения пробелов. При этом важно, что установленный перечень факторов для отыскания правопорядка является открытым, что позволяет говорить о существенной гибкости американского подхода к решению коллизионного вопроса.

В завершение считаем важным подчеркнуть, что содержание принципа наиболее тесной связи в международном частном праве Российской Федерации в русле общемировых тенденций развития подходов к решению коллизионного вопроса является комплексным. Ключевые разъяснения по указанному вопросу даны на уровне упомянутого ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», в соответствии с которым «при определении наиболее тесной связи суд», во-первых, устанавливает «преобладающую территориальную связь» и, во-вторых, «также может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и... его институтов» (п. 6). При этом для иллюстрации последнего приводится открытый перечень наиболее значимых материально-правовых факторов, в числе которых и предпочтительность сохранения действительности сделки, диктуемая общим интересом сторон правоотношения, и защита слабой стороны, диктуемая публичным интересом.

Мы считаем, что изложенное разъяснение в полной мере соответствует тенденции к материализации механизма коллизионно-правового регулирования в целом и принципа наиболее тесной связи как его стержневой идеи. При этом важно подчеркнуть, что хотя материализация международного частного права, рассматриваемая в общем, может вызывать настороженность, она отнюдь не превращает разрешение спора в процедуру *ex aequo et bono*, когда суд выносит решение соответственно собственному пониманию справедливого и правильного⁴⁰. Напротив, анализ отдельных примеров значимых материально-правовых факторов, учитываемых в рамках принципа наиболее тесной связи (защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки и др.), показывает, что это в действительности общепризнанные правовые принципы, на которых строится юриспруденция всех развитых стран мира.

³⁸ Restatement of the Law, Second, Conflict of Laws. Vol. 1 §§ 1–221. As Adopted and Promulgated by the American Law Institute on 23 May 1969. St. Paul : American Law Institute Publishers, 1971.

³⁹ См.: Асоков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств. С. 141–142.

⁴⁰ См., например: *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 7th ed. New York : Oxford University Press, 2008. Pp. 26–27, 720 ; *Shaw M. N.* International Law, 6th ed. New York : Cambridge University Press, 2008. P. 1087.

Мы убеждены, что адекватное сочетание в рамках принципа наиболее тесной связи территориального подхода, построенного на главенствующем значении преобладающей связи правоотношения с какой-либо страной, и — в действительно необходимых случаях — материально-правового подхода, позволяющего

принять во внимание наиболее весомые правовые принципы (в том числе диктуемые выдвинутым Б. Карри «правительственным», или «государственным», интересом), гарантирует надлежащий баланс предсказуемости и гибкости современного механизма коллизионно-правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. — М. : М-Логос, 2017. — 640 с.
2. Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 545 с.
3. Буланов В. В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 143 с.
4. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть. — М. : Юрид. лит., 1973. — 384 с.
5. Монастырский Ю. Э. Господствующие доктрины коллизионного права в США : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — 136 с.
6. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1917. — 227 с.
7. Ходыкин Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 248 с.
8. Шулаков А. А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 206 с.
9. Banu R. Nineteenth-Century Perspectives on Private International Law. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 352 p.
10. Baxter W. F. Choice of Law and the Federal System // Stanford Law Abstract. — 1963. — Vol. 16. — Iss. 1. — Pp. 1–42.
11. Brilmayer L. Interest Analysis and the Myth of Legislative Intent // Michigan Law Abstract. — 1980. — Vol. 78. — Pp. 392–431.
12. Brilmayer L., Anglin R. Choice of Law Theory and the Metaphysics of the Stand-Alone Trigger // Iowa Law Abstract. — 2010. — Vol. 95. — Pp. 1125–1178.
13. Brilmayer L., Goldsmith J., O'Hara O'Connor E., Vázquez C. M. Conflict of Laws: Cases and Materials. — 8th ed. — Wolters Kluwer, 2020. — 920 p.
14. Brownlie I. Principles of Public International Law. — 7th ed. — New York : Oxford University Press, 2008. — 784 p.
15. Cavers D. F. Contemporary Conflicts Law in American Perspective // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. — Vol. 131. — 1970-III. — Leyde : A. W. Sijthoff, 1971. — Pp. 75–308.
16. Currie B. Married Women's Contracts: A Study in Conflict-of-Laws Method // The University of Chicago Law Abstract. — 1958. — Vol. 25. — Iss. 2. — Pp. 227–268.
17. Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws // Duke Law Journal. — 1959. — Vol. 1959. — Iss. 2. — Pp. 171–181.
18. Currie B. Selected Essays on the Conflict of Laws. — Durham : Duke University Press, 1963. — 761 p.
19. Currie B. The Verdict of Quiescent Years: Mr. Hill and the Conflict of Laws // The University of Chicago Law Abstract. — 1961. — Vol. 28. — Pp. 258–295.
20. Dane P. Vested Rights, «Vestedness» and Choice of Law // The Yale Law Journal. — 1987. — Vol. 96. — Iss. 6. — Pp. 1191–1275.
21. Griswold E. N. David F. Cavers // Law and Contemporary Problems. — 1988. — Vol. 51. — Iss. 3. — P. I–IV.
22. Juenger F. K. Conflict of Laws: A Critique of Interest Analysis // The American Journal of Comparative Law. — 1984. — Vol. 32. — Iss. 1. — Pp. 1–50.
23. Kay H. H. A Defense of Currie's Governmental Interest Analysis // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. — Vol. 215. — 1989-III. — Dordrecht; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 1990. — Pp. 9–204.

24. *Kegel G.* Fundamental Approaches (Chapter 3) // Private International Law (Vol. III) of International Encyclopedia of Comparative Law / Ed. by K. Lipstein. — Dordrecht; Boston; Lancaster : Martinus Nijhoff Publishers ; Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1986. — 42 p.
25. *Korn H. L.* The Choice-of-Law Revolution: A Critique // Columbia Law Abstract. — 1983. — Vol. 83. — Iss. 4. — Pp. 772–973.
26. *Kramer L.* Interest Analysis and the Presumption of Forum Law // The University of Chicago Law Abstract. — 1989. — Vol. 56. — Pp. 1301–1310.
27. *Kramer L.* More Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws // Cornell International Law Journal. — 1991. — Vol. 24. — Iss. 2. — Pp. 245–278.
28. *Leflar R. A.* Conflicts Law: More on Choice-Influencing Considerations // California Law Abstract. — 1966. — Vol. 54. — Pp. 1584–1598.
29. *Mehren A. T. von.* Recent Trends in Choice-Of-Law Methodology // Cornell Law Abstract. — 1975. — Vol. 60. — Iss. 6. — Pp. 927–968.
30. *Ratner J. R.* Using Currie's Interest Analysis to Resolve Conflicts Between State Regulation and the Sherman Act // William and Mary Law Abstract. — 1989. — Vol. 30. — Iss. 4. — Pp. 705–786.
31. *Reynolds W. L., Richman W. M.* Robert Leflar, Judicial Process and Choice of Law // Arkansas Law Abstract. — 1999. — Vol. 52. — Pp. 123–140.
32. *Roosevelt K. III.* Brainerd Currie's Contribution to Choice of Law: Looking Back, Looking Forward // Mercer Law Abstract. — 2014. — Vol. 65. — Pp. 501–520.
33. *Sedler R. A.* The Governmental Interest Approach to Choice of Law: An Analysis and a Reformulation // UCLA Law Abstract. — 1977. — Vol. 25. — Pp. 181–243.
34. *Shaw M. N.* International Law. — 6th ed. — New York : Cambridge University Press, 2008. — 1542 p.
35. *Simson G. J.* Choice of Law After the Currie Revolution: What Role for the Needs of the Interstate and International Systems? // Mercer Law Abstract. — 2012. — Vol. 63. — Pp. 715–749.
36. *Symeonides S. C.* American Private International Law. — Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2008. — 368 p.
37. *Symeonides S. C.* The American Choice-of-Law Revolution in the Courts: Today and Tomorrow // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. — Vol. 298. — 2002. — Leiden/Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2003. — Pp. 9–448.
38. *Symeonides S. C.* The Choice of Law Revolution Fifty Years After Currie: An End and A Beginning // University of Illinois Law Abstract. — 2015. — Vol. 2015. — Iss. 5. — Pp. 1847–1921.
39. *Weintraub R. J.* Commentary on the Conflict of Laws. — 2nd ed. — Mineola : The Foundation Press, Inc., 1980. — 635 p.

Материал поступил в редакцию 1 июля 2020 г.

REFERENCES

1. Asoskov AV. Kollizionnoe regulirovanie dogovornykh obyazatelstv [Conflict-of-Laws Regulation of Contractual Obligations]. Moscow: M-Logos Publ.; 2017. (In Russ.)
1. Asoskov AV. Normoobrazuyushchie faktory, vliyayushchie na sodержание kollizionnogo regulirovaniya dogovornykh obyazatelstv : dis. ... d-ra yurid. nauk [Rule-forming factors influencing the content of the conflict-of-law regulation of contractual obligations: Doctoral Dissertation]. Moscow; 2011. (In Russ.)
3. Bulanov VV. Kategoriya naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk [The category of the closest connection in private international law: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2012. (In Russ.)
4. Lunts LA. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Obshchaya chast [Course of private international law. General part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1973. (In Russ.)
5. Monastyrskiy YuE. Gospodstvuyushchie doktriny kollizionnogo prava v ssha : dis. ... kand. yurid. nauk [The dominant doctrines of conflict of law in the USA: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 1999. (In Russ.)
6. Trubetskoy EN. Lektsii po entsiklopedii prava [Lectures on Law Encyclopedia]. Moscow: Partnership of A. I. Mamontov Printing House; 1917. (In Russ.)
7. Khodykin RM. Printsipy i faktory formirovaniya sodержaniya kollizionnykh norm v mezhdunarodnom chastnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk [Principles and factors of formation of the content of conflict-of-law rules in private international law: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2005. (In Russ.)

8. Shulakov A.A Printsip naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave : dis. ... kand. jurid. nauk [The principle of the closest connection in private international law: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2013. (In Russ.)
9. Banu R. Nineteenth-Century Perspectives on Private International Law. Oxford: Oxford University Press; 2018.
10. Baxter WF. Choice of Law and the Federal System. *Stanford Law Abstract*. 1963;16(1):1-42.
11. Brilmayer L. Interest Analysis and the Myth of Legislative Intent. *Michigan Law Abstract*. 1980;78:392-431.
12. Brilmayer L, Anglin R. Choice of Law Theory and the Metaphysics of the Stand-Alone Trigger. *Iowa Law Abstract*. 2010;95:1125-1178.
13. Brilmayer L, Goldsmith J, O'Hara O'Connor E, Vázquez C M. Conflict of Laws: Cases and Materials. 8th ed. Wolters Kluwer; 2020.
14. Brownlie I. Principles of Public International Law. 7th ed. New York: Oxford University Press; 2008.
15. Cavers DF. Contemporary Conflicts Law in American Perspective. Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 131, 1970-III. Leyde: A. W. Sijthoff; 1971: 75-308.
16. Currie B. Married Women's Contracts: A Study in Conflict-of-Laws Method. *The University of Chicago Law Abstract*. 1958;25(2):227-268.
16. Currie B. Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws. *Duke Law Journal*. 1959;1959(2):171-181.
16. Currie B. Selected Essays on the Conflict of Laws. Durham: Duke University Press; 1963.
19. Currie B. The Verdict of Quiescent Years: Mr. Hill and the Conflict of Laws. *The University of Chicago Law Abstract*. 1961;28:258-295.
20. Dane P. Vested Rights, «Vestedness» and Choice of Law. *The Yale Law Journal*. 1987;96(6):1191-1275.
21. Griswold E N. David F. Cavers. Law and Contemporary Problems. 1988;51(3)(I-IV).
22. Juenger F. K. Conflict of Laws: A Critique of Interest Analysis. *The American Journal of Comparative Law*. 1984;32(1):1-50.
23. Kay H. H. A Defense of Currie's Governmental Interest Analysis. Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 215, 1989-III. Dordrecht; Boston: Martinus Nijhoff Publishers; 1990.
24. Kegel G. Lipstein K., editor. Fundamental Approaches in Private International Law of International Encyclopedia of Comparative Law (Vol. III). Dordrecht; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff Publishers; Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck); 1986.
25. Korn HL. The Choice-of-Law Revolution: A Critique. *Columbia Law Abstract*. 1983;83(4):772-973.
26. Kramer L. Interest Analysis and the Presumption of Forum Law. *The University of Chicago Law Abstract*. 1989;56:1301-1310.
27. Kramer L. More Notes on Methods and Objectives in the Conflict of Laws. *Cornell International Law Journal*. 1991;24(2):245-278.
28. Leflar RA. Conflicts Law: More on Choice-Influencing Considerations. *California Law Abstract*. 1966;54:1584-1598.
29. von Mehren AT. Recent Trends in Choice-Of-Law Methodology. *Cornell Law Abstract*. 1975;60(6):927-968.
30. Ratner JR. Using Currie's Interest Analysis to Resolve Conflicts Between State Regulation and the Sherman Act. *William and Mary Law Abstract*. 1989;30(4):705-786.
31. Reynolds WL, Richman WM. Robert Leflar, Judicial Process and Choice of Law. *Arkansas Law Abstract*. 1999;52:123-140.
32. Roosevelt K. III. Brainerd Currie's Contribution to Choice of Law: Looking Back, Looking Forward. *Mercer Law Abstract*. 2014;65:501-520.
33. Sedler RA. The Governmental Interest Approach to Choice of Law: An Analysis and a Reformulation. *UCLA Law Abstract*. 1977;25:181-243.
34. Shaw MN. International Law. 6th ed. New York: Cambridge University Press; 2008.
35. Simson GJ. Choice of Law After the Currie Revolution: What Role for the Needs of the Interstate and International Systems? *Mercer Law Abstract*. 2012;63:715-749.
36. Symeonides SC. American Private International Law. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International; 2008.
37. Symeonides SC. The American Choice-of-Law Revolution in the Courts: Today and Tomorrow. Collected Courses of The Hague Academy of International Law. Vol. 298; 2002; Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers; 2003.
38. Symeonides SC. The Choice of Law Revolution Fifty Years After Currie: An End and A Beginning. *University of Illinois Law Abstract*. 2015;2015(5):1847-1921.
39. Weintraub RJ. Commentary on the Conflict of Laws. 2nd ed. Mineola: The Foundation Press, Inc.; 1980.